

ЛЕВ

ГУМИЛЕВ

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ

ВОКРУГ

КАСПИЯ

Лев Гумилев

Тысячелетие вокруг Каспия

«ФТМ»

1990

Гумилев Л. Н.

Тысячелетие вокруг Каспия / Л. Н. Гумилев — «ФТМ», 1990

Книга известного историка и одного из создателей учения евразийства, доктора исторических наук Л.Н. Гумилева посвящена этнологическому исследованию ойкумены Евразии за 1500 лет – с III в. до н.э. по XII в. н.э. В рамках данной работы исследована как история Великой степи, так и сопредельных с ней стран, где в описываемое тысячелетие и до него вспыхивали и угасали суперэтносы, сдерживаемые не только силою своих соперников, но и невидимыми на карте географическими рубежами.

© Гумилев Л. Н., 1990

© ФТМ, 1990

Содержание

От автора	5
Предисловие	6
Глава I	7
1. География поведения	7
2. Кривая этногенеза	10
3. История и этнология	18
4. Неудовлетворенность	19
5. Практический смысл этнологии	21
6. Физический смысл этногенеза	23
7. Уровни исследования и масштабы	25
8. Разочарование	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лев Николаевич Гумилев

Тысячелетие вокруг Каспия

От автора

Долгое время научная мысль историков *Европы* была зажата железным кольцом моноцентризма. С эпохи Г.-В.-Ф. Гегеля казалось очевидным, что развитие цивилизации шло через древнюю *Иудею*, *Элладу*, *Рим* и нашло свое завершение в *Западной романо-германской Европе*, окруженной «неисторическими» или «отсталыми» народами. Аналогично мыслили китайские историки, с тем лишь исключением, что центром цивилизации они считали *Срединную равнину*, отгородившуюся от *Великой степи* «*Длинной Стеной*». В *Южной Азии* полуостров *Индия*, прикрытая *Гималаями*, с запада пустынями *Белуджистана*, а с востока непроходимыми джунглями, рассматривалась учеными *браминами* как единственная страна, достойная внимания; поэтому всемирная история и глобальная география были вне круга их интересов. Помимо перечисленных центров самолюбования и самовосхваления, был обширный регион, лежавший на юго-восточных берегах *Средиземного моря* – *Афразия*. Его просто невозможно было не заметить. Но колоссальная территория между *Западной Европой* и *Китаем*, страна с оригинальным населением, и неповторимой культурой – *Евразия* – долгое время была не замеченной, вследствие чего считалась несуществующей. Однако *китайцы* и *европейцы* убедились, что это мнение было ошибочно.

Сердце *Евразии* – это *Великая степь* от *Китайской стены* до *Карпат*; окаймленная с севера полосой *сибирской тайги*, а с юга пустынями *Иранского плоскогорья* и оазисами *Персии*. В древности эту *степь* греки называли *Скифией*, *персы* – *Тураном*, а *китайцы* степью «северных варваров» – *Бэй-ху*.

В III в. до н. э. древние кочевники сменились *тюркоязычными хуннами, тюркютами, уйгурами, кыпчаками* и *огузами* – этнической истории коих посвящено наше исследование.

В XIII в. *тюркский* виток этногенеза сменился *монгольским*, но *монголы* быстро смешались с *тюркскими этносами* и, перетасовав этнографическую карту *Великой степи*, не нарушили ни ее экологии, ни истории, ни культуры, ни соотношения *Евразии* с окрестными цивилизациями.

И все-таки в это время возник новый «цвет времени», заслуживающий особого изучения, которое было бы неосуществимо без понимания раннего средневековья. Вот почему автор уделил половину своей жизни изучению сердца *Евразии* – *Циркумкаспийского байссейна* в связи с историей сопредельных стран: *Внутренней Азии*, *Тибето-Памирского нагорья* и *Древней Руси*, граничившей с *северо-западом Великой степи*. Без описания сочетания кочевого мира с мусульманской культурой в *Азербайджане* и *Гургане* история становления *тюркского* суперэтноса была бы однобока и неполноценна.

Степные народы *Евразии*, *Русь* и *Туран* имели свою культуру и традицию доблести и верности, не уступающую рыцарской *Европе*, мечтательной *Индии* и образованному *Китаю*. Разговоры о «дикости» *тюркских* кочевников и «отсталости» восточных *славян* хитрая выдумка дипломатов эпохи крестовых походов, уцелевшая до XX века как обывательская клевета.

«История средневековой Евразии» была начата автором в 1935 г. и опубликована во многих статьях и семи монографиях.

Предисловие

Историко-географическая монография «Тысячелетие вокруг Каспия» построена на дефинициях этнологии, опубликованных в трактате «Этногенез и биосфера Земли» (Л.: Из-во Ленинградского университета, 1989 г.). Это будет уже не продолжение изложенной концепции, а этнологическое исследование ойкумены Евразии за 1500 лет с III в. до н. э. по XII в. н. э., в котором судьба Хазарского каганата – кусочек мозаичного панно. Выбор сюжета подсказан возможностью обозреть из одной точки историю ойкумены и этногенез древних этносов Великой степи в эпоху, когда этнические процессы были начаты и закончены, после чего наступило обновление – новый, еще не законченный виток этногенеза.

Наиболее репрезентативной оказалась история хуннов и гуннов, древних тюрков и уйгуров, огузов и кимаков, недостаточно освещенная во Всемирной истории и палеогеографии исторической эпохи. Окрестные регионы: Китай, Ближний Восток, Византия и Европа – являются как бы рамкой, обрамляющей картину – тюрко-монгольскую степь.

Монография является опытом синтеза истории, этнологии и географии. Она создана на стыке гуманитарных и естественных наук.

Традиционная методика исторического исследования, основанная на анализе источников, позволяет только перечислять события, происходившие в данном регионе за отмеченный период. Но связи между ними и логика событий при этом от исследователя зачастую ускользают. Возникает иллюзия ортогенного развития, а зигзаги и разрывы выпадают из поля зрения, ибо кажутся случайностями.

Этнологическая методика позволяет не только заполнить пробелы в этнической истории одной страны и ее соседей, по отдельности, но и более того – достичь понимания этнической истории всей Евразии как целого, выражаясь языком физики, – решить задачу многих тел.

Предполагается, что читателю известны понятия: этнос, суперэтнос, пассионарность, фаза этногенеза и др., т.е. понятийный аппарат этнологии¹.

Прежде всего поясним, чем этнология и этническая история отличаются от истории культуры, социальной истории и даже теории этногенеза, а также почему это наука географическая. В этом последнем тезисе находится ключ к решению поставленной задачи.

¹ Краткий толковый словарь понятий и терминов, составленный В.Ю. Ермолаевым, читатель найдет в конце книги.

Глава I

Ключ к решению поставленной задачи

1. География поведения

Это странное словосочетание имеет право на существование. И даже более того: оно имеет наряду с теоретическим практическое значение.

Уточним значение терминов, поскольку они оба глобальны. География – это то, что можно нанести на карту. Поведение – это определенный способ существования в условиях постоянного соотношения «хищник» – «жертва». Без определенного стереотипа поведения не сможет выжить даже амeba. Но поведенческие стереотипы различны у популяций, даже в пределах вида. А поскольку нас интересует человек, то сказанное относится к нему, причем в наивысшей степени.

Было уже доказано, что природная форма существования вида *Homo sapiens* – этнос, и различие этносов между собой определено не расой, языком, религией, образованностью, а только стереотипом поведения, являющимся высшей формой активной адаптации человека в ландшафте. Разнообразие ландшафтов – вот причина удивительной этнической мозаичной антропосферы. А так как этнические карты составлялись издавна, то по сути дела они отражали разнообразие типов поведения, значит, и ландшафтов. Следовательно, изучение поведения относится к разряду географических наук.

Поведенческие стереотипы меняются не только в пространстве, но и во времени. Поэтому этнологу необходим стереоскопический подход, или «география» времени, которая обычно называется «исторической географией». Оказывается, время столь же неоднородно, как и пространство². В нем есть свои «горы» и «пропасти», «леса» и «пустыни». Убедиться же в справедливости этого утверждения мешает одно печальное обстоятельство.

Часто люди искренне полагают, что прошлое, как бы грандиозно оно ни было, исчезло безвозвратно, и, следовательно, никакого значения для сегодняшней, а тем более будущей действительности иметь не может. «Нам нужны современность и знание о ней!» – этот тезис приходилось слышать и в беседах за чаем, и в случайных разговорах в поездах, и на научных заседаниях, причем каждый раз с нескрываемым апломбом. Да и как не быть апломбу, если мнение свое очевидно, и оспаривать его может только чужак?!

Однако, если подумать, большинство очевидностей ложно. То, что Солнце обходит плоскую Землю – очевидно, но ведь уже некому доказывать, сколь это неправильно. Подобных примеров так много, что и приводить их не стоит. Иллюзии очевидности устраняются еще в средней школе, хотя не столь полно, как было бы нужно.

То же и в нашем случае. Достаточно спросить себя: откуда начинается так называемая «современность»? Пять минут тому назад? Или месяц? Или век; но если так, то почему не несколько веков? На этот вопрос еще никто не мог ответить. Это первое.

И второе: ведь даже момент, любое переживаемое мгновение тут же становится прошлым. А раз так, то оно ничем не отличается от аналогичных же моментов до новой эры или после нее. Капитуляция Наполеона, открытие Америки Колумбом, казнь Сократа, похищение Елены Парисом и вчерашний день, пережитый автором и редакторами этого текста, принципиально одно и то же – прошлое, подлежащее изучению историка.

² О квантовом времени см.: Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени. Доклады Географического общества СССР. Л., 1970, вып. 15, с. 143–157.

Только оно реально и доступно рациональному познанию.

Дальнейшее зависит от постановки проблемы и цели, ради которой исследование проводится. Эволюция человечества идет спонтанно, по спирали. Это процесс глобальный и настолько грандиозный, что зигзаги, образуемые не только личными судьбами отдельных людей, но и целых этносов, взаимно компенсируются и не заметны. Но на низших таксономических уровнях они видны и имеют практическую значимость для каждого из нас, даже в тех случаях, когда событие – зигзаг истории – произошло за века до нас, ибо инерция событий очень велика.

Действительно, что такое этногенез? Это последствие негэнтропийного импульса, т.е. кратковременного толчка (вспышки) энергии живого вещества биосферы (В.И. Вернадский). В результате этого появляется пассионарность – рецессивный признак, рассеивающийся только за полторы тысячи лет. Сам негэнтропийный импульс – этот зигзаг в истории биосферы – нашими органами чувств даже не воспринимается, но лишь обнаруживается по всевозможным последствиям. Поэтому его никогда не фиксируют современники, а заметить могут только историки, да и то использующие специальную методику – этнологическую.

История в этом случае употребляется этнологом не как гуманитарная наука, а уже как вспомогательная естественнонаучная дисциплина³, позволяющая обнаружить как скопление событий, так и их разряженность в различных местах ойкумены, иными словами, зафиксировать неравномерность протекания времени в жизни этносов.

Читатель нашего «Трактата» помнит, что разнообразие исторического времени в рамках одного этногенеза зависит от сочетания двух причин: 1) величины и направления изменений пассионарного напряжения, которое может или возрастать, или снижаться, и 2) контактов с соседями, либо дружескими, либо враждебными. Первый вариант отразил И.С. Тургенев в романе «Отцы и дети», где смена цвета времени в русском этногенезе ощущается автором как смена поколений, смена эпох, проходившая на общем фоне снижения пассионарности и столкновения двух субэтносов: дворянства и нового зарождающегося субэтноса – интеллигенции. Второй – описал Л.Н. Толстой в повести «Казачья война». Достаточно сравнить описанных им гребенских казаков со старосветскими помещиками Н.В. Гоголя, принадлежавших к тому же этносу, но другому субэтносу. Постоянная война казаков с чеченцами делала здесь ощущение времени крайне напряженным. Оба описания, как литературные произведения, дают естественно сглаженную картину феномена, но история фиксирует и куда более резкие сдвиги традиций и завоевания целых стран. Поэтому целесообразно сопоставлять поколения на длинных отрезках абсолютного времени, а войны – такие, которые не ограничиваются перестрелками около пограничной реки. Тогда картина смены цветов времени станет четче.

В этногенезе возможны два состояния: инерция пассионарного толчка, фиксируемая историками как череда событий, и неустойчивое равновесие или гомеостаз, наступающий после того, как инерция иссякла, – достояние этнографов-структуралистов. Однако и в гомеостазе идут постоянные изменения, ибо никто не живет одиноко. Воздействия окружения тем сильнее, чем слабее сопротивление этноса, утратившего силу первоначального импульса. И если наблюдателю кажется, что он видит структурированный застой, то это лишь потому, что он ограничил себя кратким отрезком исторического времени и узким куском земной поверхности. Изоляты тоже подвержены воздействию губительного Хроноса.

Поэтому этнолог, в отличие от этнографа, вынужден помнить, что он изучает объект в постоянном изменении и что все отмеченные им особенности того или иного этноса вскоре могут измениться до неузнаваемости, хотя в недалеком прошлом были совсем иными. Если уж дети не похожи на отцов, то правнуки на прадедов тем более. Итак, цель этнолога – изу-

³ Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. Л., 1984, с. 42–57.

чение изменения времени, поэтому прежде структурных схем ему следует вычертить кривую этногенеза и определить возраст этноса.

2. Кривая этногенеза

Во всех исторических процессах – от микрокосма (жизнь одной особи) до макрокосма (развитие человечества в целом) общественная и природные формы движения соприисутствуют подчас столь причудливо, что иногда трудно уловить характер их связи. Это относится в первую очередь к мезокосму, где лежит феномен развивающегося этноса, т.е. этногенез, понимаемый нами как процесс становления этноса от момента его возникновения до исчезновения или перехода в состояние гомеостаза⁴. Но если этнос – явление пограничное, значит ли это, что он продукт случайного сочетания биогеографических и социальных факторов? Нет, этнос имеет в основе собственную закономерность: вспышка энергии, расширение ее в пространстве, инерция и затухание, а в пределе – равновесие с окружающей средой.

В географическом аспекте этнос в момент своего возникновения – популяция, т.е. группа пассионарных особей, приспособившая определенный регион к своим потребностям и одновременно сама приспособившаяся к ландшафту этого региона.

Но момент рождения краток. Появившийся на свет коллектив должен немедленно сложиться в систему, с разделением функций между ее членами. В противном случае он будет уничтожен соседями. Для самосохранения он быстро вырабатывает социальные институты, характер которых в каждом отдельном случае запрограммирован обстоятельствами места (географическая обусловленность) и времени (стадия развития человечества как гиперэтноса). Именно потребность в самоутверждении обуславливает быстрый рост системы, территориальное расширение и усложнение внутриэтнических связей; силы же для развития ее черпаются в пассионарности популяции как таковой. Рост системы создает инерцию развития, медленно теряющуюся от сопротивления среды, вследствие чего нисходящая ветвь кривой значительно длинней восходящей (рис. 1)⁵.

⁴ Такое понимание отлично от бытовавшего еще недавно в этнографии: этногенез – происхождение этноса, т.е. процесс, завершающийся с появлением этнического самосознания.

⁵ Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этносфера и космос // Материалы Второго Всесоюзного Совещания по космической антропологии. М., 1988, с. 211–220.

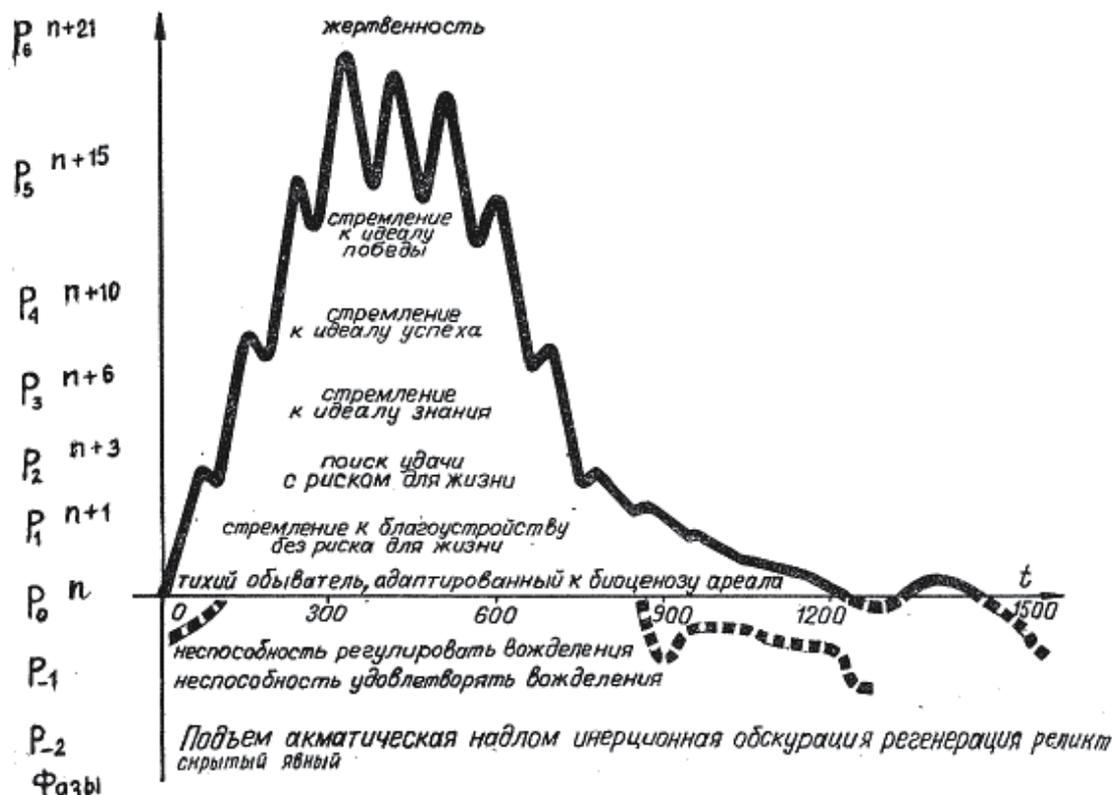

Рис. 1. Изменение пассионарного напряжения этнической системы (обобщение).

По оси абсцисс отложено время в годах, где исходная точка кривой соответствует моменту пассионарного толчка, послужившего причиной появления этноса. По оси ординат отложено пассионарное напряжение этнической системы в трех шкалах: 1) в качественных характеристиках от уровня P-2 (неспособность удовлетворить вожделение) до уровня P6 (жертвенность). Эти характеристики следует рассматривать как некую усредненную «физиономию» представителя этноса. Одновременно в этносе присутствуют представители всех отмеченных на рисунке типов, но господствует статистически тип, соответствующий данному уровню пассионарного напряжения, 2) в шкале – количество субэтносов (подсистем этноса). Индексы n , $n+1$, $n+3$ и т.д., где n – число субэтносов в этносе, не затронутом толчком и находящегося в гомеостазе: 3) в шкале – частота событий⁶ этнической истории (непрерывная кривая). При этом предлагаемая кривая есть обобщение 40 индивидуальных кривых этногенеза, построенных нами для различных этносов, возникших вследствие различных толчков. Пунктирной кривой отмечен качественный ход изменения плотности субпассионариев в этносе. Снизу крупным шрифтом выделены названия фаз этногенеза соответственно отрезкам по шкале времени.

Даже при снижении жизнедеятельности этноса ниже оптимума социальные институты продолжают существовать, иногда переживая создавший их этнос. Так, римское право прижилося в Западной Европе, хотя античный Рим и гордая Византия превратились в воспоминание. Но что можно откладывать по ординате, если на абсциссе отложено время? Очевидно, ту форму энергии, которая стимулирует процессы этногенеза, т.е. пассионарность. При этом надо помнить, что максимум пассионарности, равно как и минимум ее, отнюдь не благоприятствует

⁶ Событие в нашем понимании – процесс разрыва этнических связей. В зависимости от таксономического ранга этнической системы: конвиксия (или консорция) – субэтнос – этнос – суперэтнос, – можно говорить о масштабе события. Для построения кривой пассионарного напряжения мы выделяем события этнического масштаба: столкновения двух или более субэтносов.

процветанию жизни и культуры. Пассионарный перегрев ведет к жестоким кровопролитиям как внутри системы, так и на границах ее, в регионах этнических контактов. И наоборот, при полной инертности и вялости населения какой-либо страны, когда уровень пассионарности приближается к нулю, теряется сопротивляемость окружению, этническому и природному, а это всегда – кратчайший путь к гибели. Пассионарность присутствует во всех этногенетических процессах, что создает возможность этнологического сопоставления в глобальном масштабе.

Нами не преодолена другая трудность: еще не найдена мера, которой можно было бы мерить пассионарность. На основании доступного нам фактического материала мы можем только говорить о подъеме или спаде, о большей или меньшей степени пассионарного напряжения (частоте событий в жизни этноса) – но во сколько раз? – мы не знаем. Однако это препятствие не существенно, ибо отношение порядка «больше» – «меньше» уже само по себе является достаточно конструктивным и плодотворным в естествознании для построения феноменологических теорий, а точность измерения наблюдаемых величин и формализация эмпирических наук – далеко не единственный и не всегда самый удобный путь познания.

Поэтому отмеченная «трудность» скорее не недостаток концепции, а ее особенность.

В наше время школьное образование приучило читателей к двум предвзятым мнениям: вере в непогрешимость источников и убеждение в реальности чисел натурального ряда. Оба мнения не то чтобы не верны, скорее они – не точны.

Достоверность исторических источников ныне ограничена исторической критикой, основанной на принципе сомнения. Натуральные числа – абстракция, ибо в природе отношения физических величин непременно содержат иррациональные числа «е», или «пи», а время – *ict* – вообще мнимое число. Натуральные числа удобно применять в бухгалтерии, а не в природоведении или истории, где нет ничего принципиально равного или тождественного. Столь же наивна вера в формализующую силу математики. Математический аппарат применяется в физике давно. Однако ни одна из современных физических теорий даже не аксиоматизирована, за исключением лишь термодинамики Каратеадори, что, скорее, исключение, чем правило⁷. Причина кроется в том, что язык науки – двойственен, он лишь на одну половину является языком теоретических понятий, а на другую – языком наблюдений, который с трудом переводим на первый для физики и почти не переводим для наук о мезомире⁸. Нельзя «думать, что все явления, доступные научному объяснению, подведутся под математические формулы... об эти явления, как волны об скалу, разобьются математические оболочки – идеальное создание нашего разума»⁹. А Альберт Эйнштейн сказал еще более категорично: «Если теоремы математики прилагаются к отражению реального мира, то они не точны: они точны до тех пор, пока не ссылаются на действительность»¹⁰. Но преклонение перед математикой в начале XX в. превратилось в своеобразный культ, отвлекший много сил у естественников и гуманитариев.

Для описания динамических этнических систем не требуется формализованной математической теории. Законы этногенеза и принципы этнологии, сформулированные нами в «Трактате», – не противоречивы, и потому позволяют делать однозначные экспертные оценки основной функциональной переменной этнического развития – возраста этноса или фазы этногенеза, которая шкалируется с любой разумной точностью от 5-10 лет до времени жизни 1-2 поколений.

⁷ Налимов В.В. Вероятностная модель языка. М., 1974, с. 163.

⁸ Там же, с. 164 и сл.

⁹ Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М., 1981.

¹⁰ Цит. по: Чечельницкий А.М. Экстремальность, устойчивость, резонансность в астродинамике и космонавтике. М., 1980, с. 174.

Для определения фазы этногенеза необходимо выявить главные параметры изучаемой эпохи, на основании сочетания коих можно дать ей однозначную характеристику. Таковыми будут: императив поведения, момент толчка и логика событий. Логика событий отражает вехи флуктуаций биосферы, в том числе пассионарности этносистемы¹¹. Любая этническая система иерархична, т.е. суперэтнос включает в себя несколько этносов, этнос – субэтносов или консорций и т.д. Увеличение числа таксонов низшего ранга всегда связано с подъемом пассионарности, и наоборот. Таким образом, сопоставление величин пассионарности не прямо, но косвенно все-таки возможно, хотя подсчет числа таксонов может быть осуществлен только экспертным путем.

Непривычная для нас кривая проявления пассионарности равно не похожа ни на линию прогресса производительных сил – экспоненту, ни на синусоиду, где ритмично сменяются подъемы и упадки, повторяясь, как времена года, ни на симметричную циклоиду биологического развития. Предложенная нами кривая ассиметрична, дискретна и анизотропна по ходу времени. Она хорошо известная кибернетикам как кривая сгорающего костра, взрыва порохового склада и вянущего листа.

Костер вспыхнул с одного края. Пламя охватывает сучья кругом и быстро поглощает кислород внутри костра. Температура падает, и окружающий кислород воздуха врывается внутрь поленицы, заставляя дрова вновь вспыхнуть. После нескольких вспышек остаются угольки, медленно остывающие и превращающиеся в пепел. Для повторения процесса нужен новый хворост и новая вспышка пламени. Так же, если толкнуть шар – он сначала движется ускоренно, за счет силы толчка; затем теряет инерцию от сопротивления среды и останавливается, точнее, приходит в состояние равновесия со средой, что называется в механике «покоем».

Процессы этногенезов, как и выше описанные, вызываются «взрывами», или «толчками», внешними по отношению к антропосфере, которая из-за этих импульсов превратилась из монолитной в мозаичную, т.е. стала этносферой; единое человечество стало разнообразным, вечно меняющимся сочетанием особей и микропопуляций, чем-то похожих друг на друга, а чем-то разных, главным образом – по стереотипам поведения.

Причинами «толчков» могут быть только мутации, вернее – микромутации, отражающиеся на стереотипе поведения, но редко влияющие на фенотип. Как правило, мутация не затрагивает всей популяции своего ареала. Мутируют только некоторые, относительно немногочисленные особи, но этого может оказаться достаточно для того, чтобы возникли новые «породы», которые мы и фиксируем со временем как оригинальные этносы.

Ареалы взрывов этногенеза, или пассионарных толчков, отнюдь не связаны с определенными постоянными регионами Земли (см. карту на рис. 2).

¹¹ Гумилев Л.Н. Биосфера и импульсы сознания // Природа. 1978. № 12. с. 97–105.

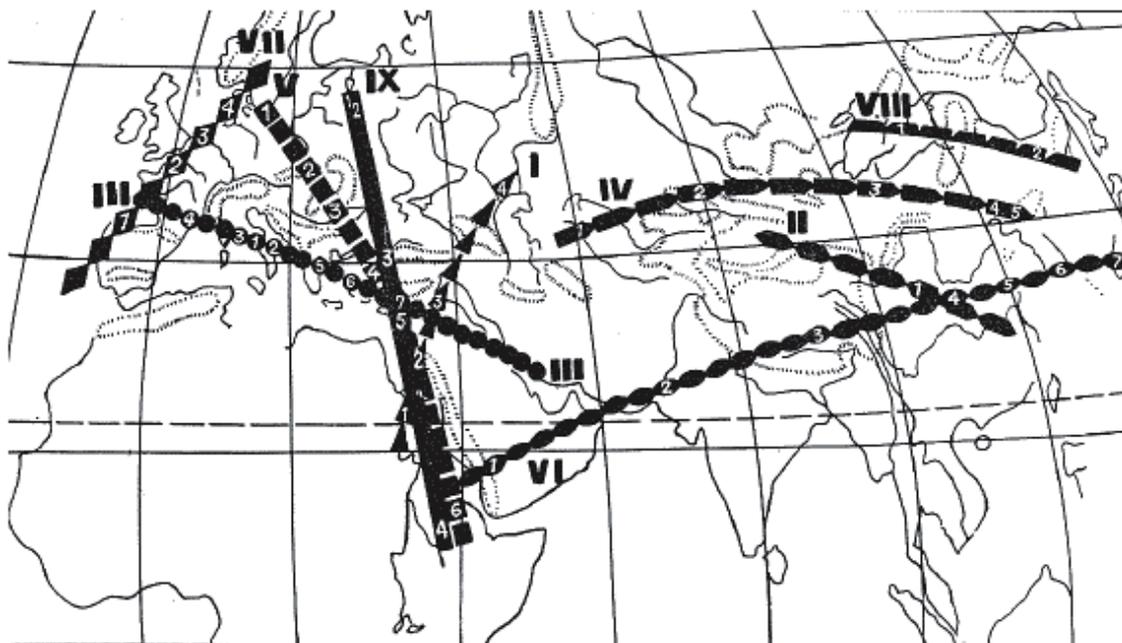

Рис. 2. Оси зон пассионарных толчков

Римской цифрой указан порядковый номер толчка, в скобках – начальный момент толчка. Арабскими цифрами пронумерованы этносы, возникшие вследствие данного пассионарного толчка, причем вначале идет историческое или условное название этноса, затем в скобках название географической или этнокультурной области появления этноса, соответствующее точке на карте. В некоторых случаях вслед за этим дается краткая характеристика или важнейшие события фазы подъема.

I. (XVIII в. до н. э.) 1. Египтяне-2 (Верхний Египет). Крушение Древнего Царства. Завоевание гиксосами Египта в XVII в. Новое Царство. Столица в Фивах (1580 г.). Смена религии. Культ Озириса. Прекращение строительства пирамид. Агрессия в Нубию и Азию. 2. Гиксосы. (Иордания, Северная Аравия). 3. Хетты. (Восточная Анатолия). Образование хеттов из нескольких хетто-хурритских племен. Возвышение Хаттуссы. Расширение на Малую Азию. Взятие Вавилона.

II. (XI в. до н. э.) 1. Чжоусцы (Северный Китай: Шэньси). Завоевание княжеством Чжоу древней империи Шан-Инь. Появление культа Неба. Прекращение человеческих жертвоприношений. Расширение ареала до моря на востоке, Янцзы на юге, пустыни на севере. 2. (?) Скифы. (Центральная Азия). 3. Кушиты (Большая излучина Нила). Формирование и становление Напатского царства (в X – VIII в. до н. э.). Возвышение Напаты и объединенное Египетско-Кушитское государство.

III. (VIII в. до н. э.) 1. Римляне (Центр Италии). Появление на месте разнообразного италийского (латино-сабино-этрусского) населения римской общины-войска. Последующее расселение на Среднюю Италию, завоевание Италии, закончившееся образованием Республики в 510 г. до н. э. Смена культа, организации войска и политической системы. Появление латинского алфавита. 2. Самниты (Италия). 3. Этруски (Северо-Западная Италия). 4. (?) Галлы (Южная Франция). 5. Эллины (Средняя Греция). Упадок ахейской крито-микенской культуры в XI–IX вв. до н. э. Забвение письменности, образование дорийских государств Пелопоннеса (VIII в.). Колонизация эллинами Средиземноморья. Появление греческого алфавита. Реорганизация пантеона богов. Законодательства. Полисный образ жизни. 6. Лидийцы. 7. Карийцы. 8. Киликийцы (Малая Азия). 9. Персы (Персида). Образование мидян и персов. Дейок и Ахемениды – основатели династий. Расширение Мидии. Раздел Ассирии. Возвышение Персиды на месте

Элама, закончившееся созданием Царства Ахеменидов на Ближнем Востоке. Смена религии. Культ огня. Маги.

I V. (III в. до н. э.) 1. Сарматы (Казахстан). Вторжение в Европейскую Скифию. Истребление скифов. Появление тяжелой конницы рыцарского типа. Завоевание Ирана парфянами. Появление сословий. 2. Кушаны-согдийцы (Средняя Азия). 3. Хунны (Южная Монголия). Сложение хуннского родо-племенного союза. Столкновение с Китаем. 4. Сянби. 5. Пуе. 6. Когуре (Южная Маньчжурия, Северная Корея). Возвышение и падение древнего корейского государства Чосон. (III–II вв. до н. э.) Образование на месте смешанного тунгусо-маньчжурско-корейско-китайского населения племенных союзов, выросших впоследствии в первые корейские государства Когуре, Силла, Пэкче.

V. (I в. н. э.) 1. Готы (Южная Швеция). Переселение готов от Балтийского моря к Черному (II в.). Широкое заимствование античной культуры, закончившееся принятием христианства. Создание готской империи в Восточной Европе. 2. Славяне. Широкое распространение из Прикарпатья до Балтийского, Средиземного и Черного морей. 3. Даки. (Современная Румыния.) 4. Христиане (Малая Азия, Сирия, Палестина.) Возникновение христианских общин. Разрыв с иудаизмом. Образование института Церкви. Расширение за пределы Римской империи. 5. Иудеи-2 (Иудея.) Обновление культа и мировоззрения. Появление Талмуда. Войны с Римом. Широкая эмиграция за пределы Иудеи. 6. Аксумиты (Абиссиния). Возвышение Аксума. Широкая экспансия в Аравию, Нубию, выход к Красному морю. Позже (IV в.) принятие христианства.

VI. (VI в. н. э.) 1. Арабы-мусульмане (Центральная Аравия). Объединение племен Аравийского полуострова. Смена религии. Ислам. Расширение до Испании и Памира. 2. Раджпуты (долина Инда). Низвержение империи Гупта. Уничтожение буддийской общины в Индии. Усложнение кастовой системы при политической раздробленности. Создание религиозной философии Веданты. Троичный монотеизм: Брама, Шива, Вишну. 3. Боты (Южный Тибет). Монархический переворот с административно-политической опорой на буддистов. Расширение в Центральную Азию и Китай. 4. Табгачи. 5. Китайцы-2 (Северный Китай: Уэньси, Шаньдун). На месте почти вымершего населения Северного Китая появились два новых этноса: китайско-тюркский (табгачи) и средневековый китайский, выросший из группы Гуаньлун. Табгачи создали империю Тан, объединив весь Китай и Центральную Азию. Распространение буддизма, индийских и тюркских нравов. Оппозиция китайских шовинистов. Гибель династии. 6. Корейцы. Война за гегемонию между королевствами Силла, Пэкче, Когуре. Сопrotивление танской агрессии. Объединение Кореи под властью Силла. Усвоение конфуцианской морали, интенсивное распространение буддизма. Формирование единого языка. 7. Ямато (Японцы). Переворот Тайка. Возникновение централизованного государства во главе с монархом. Принятие конфуцианской морали как государственной этики. Широкое распространение буддизма. Экспансия на север. Прекращение строительства курганов.

VII. (VIII в. н. э.) 1. Испанцы (Астурия). Начало реконкисты, неудачно. Образование королевств: Астурия, Наварра, Леон и графства Португалия на базе смешения испано-римлян, готов, аланов, лузитан и др. 2. Франки (Французы). 3. Саксы (Немцы). Раскол империи Карла Великого на национально-феодальные государства. Отражение викингов, арабов, венгров и славян. Раскол христианства на ортодоксальную и папистскую ветви. 4. Скандинавы (Южная Норвегия, Северная Дания). Начало движения викингов. Появление поэзии и рунической письменности. Оттеснение лопарей в тундру.

VIII. (XI в. н. э.) 1. Монголы (Монголия). Появление «людей длинной воли». Объединение племен в народ-войско. Создание законодательства – ясы и письменности. Расширение Улуса от Желтого до Черного моря. 2. Чжурчжэни (Маньчжурия). Образование империи Цзинь полукитайского типа. Агрессия на юг. Завоевание Северного Китая.

IX. (XIII в. н. э.) 1. Литовцы. Создание жесткой княжеской власти. Расширение княжества Литовского от Балтийского до Черного моря. Принятие христианства. Слияние с Польшей. 2. Великороссы. Исчезновение Древней Руси, захваченной литовцами (кроме Новгорода). Возвышение Московского княжества. Рост служилого сословия. Широкая метисация славянского, тюркского и угорского населения Восточной Европы. 3. Турки-османы (Запад Малой Азии). Консолидация бейликом Брусы активного населения мусульманского Востока с добавкой пленных славянских детей (янычары) и моряков, морских бродяг Средиземноморья (флот). Султанат военного типа. Оттоманская Порты. Завоевание Балкан, Передней Азии и Северной Африки до Марокко. 4. Эфиопы (Амхара, Шоа в Эфиопии). Исчезновение древнего Аксума. Переворот Соломонидов. Экспансия эфиопского православия. Возвышение и расширение Царства Эфиопия в Восточной Африке.

Выделяемые узкие полосы, шириной около 300 км, тянущиеся то в меридиональном, то в широтном направлении примерно на 0,5 окружности планеты, похожи на геодезические линии¹². Возникают толчки редко – два или три за тысячу лет и почти никогда не проходят по одному и тому же месту. Так, за тысячу лет до н. э. отчетливо прослежены два толчка: в VIII в. от Аквитании, через Лациум, Элладу, Киликию, Парс до средней Индии и в III в. по степям современной Монголии и Казахстана.

О толчках I тыс. н. э. мы будем подробно говорить в основном тексте этой книги.

Один и тот же толчок может создать несколько очагов повышенной пассионарности (и, как следствие, – несколько суперэтнотосов), если он длинен и проходит через разнообразные физико-географические регионы. Так, толчок VI в. задел Аравию, долину Инда, Южный Тибет, Северный Китай и среднюю Японию. И во всех этих странах возникли этносы-ровесники, причем каждый из них имел оригинальные стереотип и культуру. Соседи их: Византия, Иран, Великая степь, айны – были старше, в XII в. появились чжурчжэни и монголы: они были моложе всех. Западная Европа, лежавшая в развалинах после Великого переселения народов, обновилась в IX в., а Восточная – в XIV в. Именно поэтому Россия и Литва – не отсталые по сравнению с Францией и Германией, а более молодые этносы. Впрочем, Россию правильнее называть суперэтнотосом, ибо Москва объединила вокруг себя много этносов, не прибегая к завоеванию.

Описанную кривую можно в случае надобности применить к семье, консорции, конвиксии, соответственно меняя масштаб времени и суперэтнотоса, но в последнем случае необходимо учитывать контакты разновозрастных этносов. На суперэтническом уровне при синхронизации бытующих в данный отрезок времени этногенезов мы увидим динамику этнокультурных систем (рис. 3) и их сочетания, которые бывают и кровавыми, и мирными, экономическими, идеологическими и эстетическими. В разных исторических коллизиях, климатических вариациях и спадах пассионарности результаты столкновений бывают различны. Эти контакты и есть предмет этнической истории.

¹² Иванов К.П. Механизм этногенеза – механизм исследователя этнокультуры // Проблемы изучения охраны памятников культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980, с. 79–80.

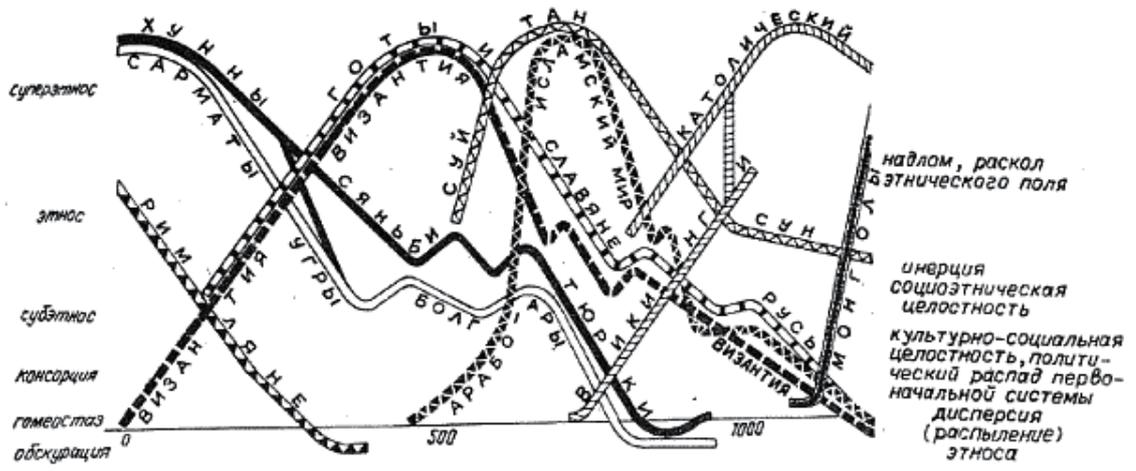

Рис. 3. Динамика этнокультурных систем Евразии I–XII вв.

3. История и этнология

Схема этногенеза наглядна и облегчает изучение этнической истории, – но только как вспомогательный мнемонический прием. Она относится к историческому повествованию, как каталог библиотеки – к содержанию книгохранилища, или старый план Москвы – к нынешнему городу, где сохранены переулки, но заменены дома. Жить-то приходится не в плане, а в городе, хотя наличие плана весьма помогает передвигаться по измененным до неузнаваемости улицам.

В отличие от науки об этногенезе, этническая история – полифакторное явление. В ней участвуют, наряду с географическими и биологическими, социально-политические, историко-психологические и культурологические факторы, как соучастники многообразных фрагментарных процессов. Исключительное значение пассионарности лишь в том, что она – мера потенциальных возможностей контактирующих этносов и тем самым определяет расстановку сил эпохи, хотя и не детерминирует исхода событий. Но достоинство этнологии как науки о биосферном феномене этноса состоит в том, что она позволяет множество привходящих факторов свести к небольшому числу поддающихся оценке переменных и превращает неразрешимые для традиционного исторического подхода задачи – в элементарные. Ее методика относится к старой, как алгебра к арифметике. Она менее трудоемка, а значит, позволяет при равной затрате сил охватить больший регион и более длинную эпоху, что, в свою очередь, дает возможность внести ряд уточнений путем сопоставления далеких фактов, на первый взгляд – не связанных друг с другом. Более того, так же как алгебраическая формула может быть всегда проверена арифметически, так и этнологические выводы могут быть проверены традиционными методами исторической науки. Но этнология отнюдь не замена истории общественной, хотя и использует историю в широком смысле этого слова, историю – как «поиск истины». Ведь история, как двуликий Янус, гуманитарна лишь там, где предметом изучения являются творения рук и умов человеческих, т.е. там, где изучаются здания и заводы, древние книги и записи фольклора, феодальные институты и греческие полисы, философские системы и мистические ереси, горшки, топоры и расписные вазы или картины.

Эти вещи человек создает своим трудом, при этом выводя их материал из цикла конверсии биоценоза. Он стабилизирует природный процесс, ибо эти вещи могут только разрушаться¹³.

Но человек не только член общества (*Gesellschaft*), но и этноса (*Gemeinwesen*)¹⁴. Вместе со своим этническим коллективом он сопричастен биосфере. Вечно меняясь, умирая и возрождаясь, как все живое на нашей планете, он оставляет свой след путем свершения событий, которые составляют скелет этнической истории – функции этногенеза. В этом аспекте история – наука естественная, точно так же, как, например, история болезни, и находится в компетенции диалектического, а не исторического материализма.

Иногда на это возражают, что исторические факты нельзя проверить экспериментально. Да, но ведь многие геологические, зоологические и географические явления тоже невозможно воспроизвести. Люди не научились устраивать извержения вулканов, тайфуны, миграции буйволов и даже муравьев.

Подобные явления изучаются путем наблюдений и их обобщения, которое по достоверности равноценно наблюденному факту¹⁵. На этом же методе эмпирического обобщения зиждется и этнология.

¹³ Калесник С.В. Проблема географической среды // Вестн. Ленингр. ун-та. 1968. № 24. с. 94.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 462–463.

¹⁵ Вернадский В. И. Биосфера // Избр. соч. Т. 5 М.-Л., 1960. с. 19.

4. Неудовлетворенность

Но как обобщить исторические факты? Оказывается, удовлетворившего бы нас способа нет, понятно; ибо это можно сделать только путем сознательного отказа от aberrаций дальности и близости и еще некоторых привычных представлений, распространенных настолько, что они сделались не только привычными, но и обязательными.

Обыватель привык считать, что древний человек был настолько бездарнее современных жителей промышленных городов, что лишь постепенно – путем смены десятков поколений – накапливал способности и внедрял изобретения. На этом весьма зыбком основании возникло представление, разделяющееся и учеными, что время, т.е. развитие в прошлом, шло медленнее, чем сейчас, и потому палеолит, например, кажется для историков единой эпохой, вроде затянувшейся эпохи Ренессанса. Это aberrация дальности, такая же, как уверенность ребенка в том, что солнце – не больше кулака. Однако предки современных полинезийцев, хотя и не имели железных орудий, смогли пересечь Тихий океан на бальсовых плотках в те же сроки, что и Т. Хейердал. Предки майя, не зная современной селекции и генетики, вывели культурный вид хлопчатника, удвоив количество его хромосом, что постепенно сделать нельзя, а североамериканские индейцы, пользуясь обсидиановыми наконечниками для стрел, приручили одичавших испанских мустангов и освоили прерии менее чем за 60 лет¹⁶.

Дилетантам кажется, что этническая история – это «жизнь без начала и конца», а калейдоскоп «случайностей» ни в какую схему не укладывается, хотя бы уже потому, что разные наблюдатели видят разные стороны любого явления. Да, современники никогда не замечали пассионарного толчка. Все происходящее казалось им естественным. Древние римляне триста лет не замечали, что республика сменилась империей, и лишь когда Диоклетиан изменил придворный этикет, обнаружили, что у них – монархия. Таковы последствия aberrации близости, усугубляемые игнорированием параллельных процессов, – например, история ландшафта или климата. Последние вообще воспринимаются как нечто постоянное, хотя изменяются иной раз еще быстрее, чем политические формы власти.

Но этнолог, находясь в должном отдалении от сюжета, видит смену цвета времени, даже тогда, когда делает поправку на плавность перехода одной эпохи в другую. Однако при этом он отходит от привычного – пересказа источников, потому что вместо живых рассказов летописцев он получает цепочки сухих сведений о событиях. Ему предстоит обнаружить логику событий, как палеобиологу или геологу, только иных процессов и в иных временных масштабах. Но ведь это прямой отход от методов гуманитарных наук. Допустимо ли такое нарушение канона, когда речь идет об изучении человека?

Да! Не только допустимо, но и необходимо.

Принято думать, что гуманитарные науки – это те, которые изучают человека и его деяния, а естественные науки изучают природу: живую, мертвую и косную, т.е. ту, которая никогда не была живой.

Это банальное деление неконструктивно и полно противоречий, делающих его бессмысленным. Медицина, физиология и антропология изучают человека, но не являются гуманитарными науками. Древние каналы и развалины городов, превратившиеся в холмы, – антропогенный метаморфизированный рельеф, – находятся в сфере геоморфологии, науки естественной. И наоборот, география до XVI в., основанная на легендарных, часто фантастических рассказах путешественников, переданных через десятые руки, была наука гуманитарная, так же как геология, основанная на рассказах о всемирном потопе и Атлантиде. Даже астрономия до Коперника была наукой гуманитарной, основанной на изучении текстов Аристотеля, Птолемея, а то

¹⁶ Аверкиева Ю.П. Индейцы Северной Америки. М., 1974. с. 257. Ср.: Стингл М. Индейцы без томагавков. М., 1971. с. 274.

и Косьмы Индикоплова. Люди предпочитали жить на плоской Земле, окруженной Океаном, нежели на шарике, висящем в бесконечном пространстве – Бездне. Эти мнения бытуют еще и ныне, несмотря на всеобщее среднее образование.

Исходя из сказанного, легко заключить, что деление типов мышления, а тем самым – наук, по предмету изучения, – неправомерно. Гораздо удобнее деление по способу получения первичной информации. Тут возможны два подхода: чтение, выслушивание или сообщение плодов свободной мысли – мифотворчество – и наблюдение, иногда с экспериментом – т.е. исследование, или естествознание в прямом смысле этого слова. При таком делении этнология, основанная на эмпирическом обобщении наблюденных фактов, становится частью естествознания, а роль эксперимента в ней выполняет, как и в криминалистике, – экспертиза, не допускающая противоречивости свидетельств источников. Ведь и при расследовании преступления проводят сличение показаний, а не просто верят свидетелям, часто весьма заинтересованным в том, чтобы их версия была принята. Почему же считать летописцев беспристрастными?

Пока история представляла собой калейдоскоп отдельных фактов, всегда незаурядных, ибо только такие факты отмечались современниками, возможность построения «эмпирического обобщения» была нереальна. Единичное наблюдение не воспринимается критично. Оно может быть случайным, неполным, искаженным обстоятельствами, в которых находился наблюдатель, и даже его личным самочувствием. А все эти недостатки компенсируются только большим числом наблюдений, когда неизбежная ошибка становится настолько мала, что ею не только можно, но и нужно пренебречь, чтобы сформулировать вывод.

Именно путем учета всех известных в историческое время живших и живущих ныне этносов (принцип полноты. – Л. Г.) и руководствуясь принципом актуализма, согласно которому законы природы, наблюдаемые сейчас, так же действовали в прошлом, мы провели эмпирическое обобщение в нашем «Трактате» и обнаружили закономерности этногенеза, свидетельствующие о рождении этносов на фоне географической среды. Так появилась на свет этнология – естественная наука, непротиворечиво обобщившая материал, накопленный и не использованный историками юридической школы и структуралистами¹⁷. Ибо те и другие изучали статику, а не динамику.

¹⁷ Гумилев Л.Н. Гуманитарные и естественнонаучные аспекты исторической географии // Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. Л.: Географическое общество СССР, 1984. с. 42–57.

5. Практический смысл этнологии

Часто приходится слышать вопрос: «Если закономерности этногенеза лежат в природе, и мы не можем их произвольно изменять, то на что нужна такая наука? Стоит ли на нее тратить время и силы?» Да, действительно, процессы этногенеза по сравнению с возможностями человека, даже вооруженного могучей техникой, столь грандиозны, что пытаться их исправить бессмысленно, но это не значит, что на них не следует обращать внимание. Как раз наоборот, и вот почему.

Циклоны, несущие дождь и снег, и антициклоны, порождающие засухи, – процессы географические. Люди влиять на эти явления не могут, но они влияют на людей очень сильно, особенно на хозяйство, и на земледелие, и на скотоводство. Поэтому метеорология – наука об осадках, иногда понимаемая как физика атмосферы, нужна не только для выбора подходящего времени для пикников, но и для важных хозяйственных прогнозов.

А сейсмография – геологическая дисциплина, предупреждающая о возможности землетрясения и цунами, также трактует о предметах внечеловеческих, но очень существенных для человека. Думать, что люди могут влиять на бури или извержения вулканов, – это впасть в такие средневековые суеверия, которые уже для XVII в. были анахронизмами. Однако практическое значение метеорологии, климатологии и тектоники не подлежит сомнению.

Этногенез – тоже статистический природный процесс, проходящий в течение свыше тысячи лет, если считать от негэнтропийного импульса до затухания инерции, и оставляющий после себя следы, не меньшие, нежели наводнение или выброс пепла из вулкана.

Методика изучения природных процессов, по существу, является исторической. Сначала идет сбор наблюдений, выстраиваемых в ряд по ходу анизотропного времени. Затем наблюдения группируются по принципу сходства, но сходство это часто обманчиво. Тогда устанавливаются причины явлений, что позволяет отделить случайные совпадения от истинных причин. Это самый трудный рубеж, но пока он не преодолен, о практическом применении кодифицированного материала не может быть и речи. Исторические науки, к сожалению, остановились на установлении последовательности событий и, в лучшем случае, классификации их по географическим регионам, подходе, позволяющем строить синхронические таблицы.

В том, что этот этап развития науки необходим – нет сомнений, но что он недостаточен – тоже ясно. Поэтому уже в XIX в. возникали попытки интерпретации наблюдений и описаний исторических явлений в двух аспектах: всемирно-историческом у Ф. Гегеля и культурно-историческом у Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби. Первая концепция неизбежно приводила к европоцентризму и признанию внеевропейских народов «неисторическими» или «отсталыми»; вторая, сосредоточив внимание на разнообразии «культурных типов», опускала то общее, что присуще всем процессам, – «возрасты» или смены фаз, так как последние не происходят в техносфере – создании рук человеческих, а имеют место только в природных явлениях, особенно в биосфере.

Только системный подход Л. Берталяни и учение о роли биохимической энергии живого вещества В.И. Вернадского позволили сделать эмпирическое обобщение – установить наличие в исторической географии замкнутых систем, ограниченных в пространстве – ареалы – и во времени – эпохи. С этого времени антропосфера перестала казаться калейдоскопом событий, а превратилась в мозаику каузальных цепочек, связанных друг с другом.

Вот и объяснение невозможности практического применения истории. Построения на спекулятивных философиях давали волю фантазии, не ограничивая ее рамками соразмерных наблюдений и сопоставлений систем равного ранга. Да и сами эти системы, везде присутствующие и единообразно развивающиеся, были заслонены более репрезентативными феноменами описаний культуры или военной, политической, экономической истории.

Поступки людей как на персональном, так и на популяционном уровнях в социальной и этнической средах имеют диаметрально противоположные последствия. В социальной среде важно, что человек *сделал*: каменный нож, электрическую лампочку или атомную бомбу. Чаще всего он не может предвидеть последствий своих изобретений, потому что социосфера имеет собственное спонтанное развитие, на близких отрезках изучаемое социологией, а глобально – теорией исторического материализма.

В этнической среде человек, или этнос, как система, может не сделать чего-либо вредного для природы, частью которой является он сам. Значит, следует предвидеть последствия своих поступков, ибо любая ошибка может стать роковой. Например, в XIX в. ученые биологи подразделяли растения и животных на «полезных» и «вредных». Последних предлагалось истребить, а природу сделать «управляемой». И вот в ботаническом заповеднике в Аризоне, где росли гигантские кактусы сангуаро, служба национальных парков, оберегая интересы туристов, уничтожила гремучих змей, из-за чего возросла численность сумчатых крыс, поедающих молодые побеги кактусов, существование коих было поставлено под угрозу¹⁸.

В этой крошечной коллизии, как в капле воды, отразилась мировая экологическая трагедия последнего трехтысячелетия¹⁹. Здесь не место рассказывать о поводах для борьбы за природу против цивилизации, хотя эта тема входит в компетенцию этнологии, но можно спросить, почему американские натурфилософы, еще не знакомые с понятием «биоценоз», не обратили внимания на этику индейцев сиу, сформулированную крайне просто: «Со всем сущим нас связывают узы родства; что Дух земли творит, то неделимо»²⁰.

Но, как известно, «цивилизаторы» считали индейцев дикарями и охотились за их скальпами, как за шкурами волков. И это вторая возможность практического применения этнологии: изучение межэтнических контактов и выбор оптимальной линии поведения для установления симбиоза. Вряд ли сейчас найдется человек, пожелавший бы проповедовать геноцид.

И, наконец, хотя самочувствие человека в потоке этногенеза детерминировано статистической закономерностью, это не значит, что на персональном уровне исчезает свобода выбора между несколькими решениями, когда к этому представляется возможность. А она представляется то и дело; важно только не упустить случая. Конечно, один человек не может повлиять на грандиозный процесс этногенеза, например, изменить его фазу или число подсистем в этнической системе, но на низких таксономических уровнях – субэтническом и, особенно, на организменном, возможны волевые усилия, способные породить события, которые только впоследствии и далеко не сразу компенсируются общей статистической закономерностью. Иными словами, человек с большой пассионарностью иногда может создать зигзаг на кривой развития, даже такой, который будет зафиксирован в истории. Конечно, очень соблазнительно все беды сваливать либо на Аллаха, либо на математические законы природы Лапласа, либо на пространственно-временной континуум Эйнштейна. Но волевой акт – тоже явление природы, ибо непосредственно связан с физиологией человека, нервной и гормональной. Поскольку ни один человек не может жить вне этнической системы, способной как усилить его напряжения, так и свести их к нулю, то именно людям механизм этногенеза не может быть практически безразличен.

¹⁸ Дуглас У.О. Трехсотлетняя война. Хроника хронологического бедствия. М., 1975, с. 22.

¹⁹ Ленькова А. Оскальпированная Земля. М., 1971, с. 17 и сл.

²⁰ Дуглас У. О. Указ соч., с. 33.

6. Физический смысл этногенеза

Механизм этногенеза понятен. Рост пассионарности приводит к усложнению этнической системы; снижение пассионарного напряжения – к ее упрощению и к разрушению этнической целостности.

Деструкция этноса объяснима крайне просто: любой инерционный процесс затухает от сопротивления среды; но откуда берутся негэнтропийные импульсы, порождающие однотипные мутации на очень длинных полосах Земли, причем эти полосы всегда не совпадают с предшествующими и последующими? На этот вопрос ответить трудно. Заранее можно отбросить солярную гипотезу, ибо Солнце освещает одновременно целое полушарие, и хтоническую (подземную), потому что эти полосы варьируют вне зависимости от геологического строения территорий, по которым они проходят. Не имеет значения и уровень социального развития этносов, подвергаемых мутагенному воздействию, а наземные физико-географические условия лишь способствуют или не способствуют возникновению начального момента этногенеза, после которого дальнейший ход процесса легко объясним, разумеется, в пределах законного допуска и с учетом этнических контактов.

Остается не отброшенной только одна гипотеза – переменное космическое излучение. При нынешнем уровне знаний о ближнем космосе эта гипотеза не может быть строго доказана, но зато она не встречает фактов, ей противоречащих.

Представим себе поверхность Земли как экран, на который падают космические лучи. Большая часть этих лучей задерживается ионосферой, но некоторые достигают поверхности Земли, чаще всего ночью, ибо ионосфера и космическая радиация нестабильны, даже в суточном цикле²¹.

Однако космические импульсы будут деформированы магнитным полем Земли и примут облик геодезических линий, не зависящих от наземного ландшафта. Время каждого облучения не должно быть продолжительным, но оно должно быть и достаточным для того, чтобы произошла микромутация, изменяющая еще в зародыше психические свойства небольшого числа особей, рождающихся в облученном ареале. Разумеется, не все плоды в утробах матерей приобретают после мутации признак пассионарности. Исход любой мутации в большинстве случаев детален. Некоторые из затронутых проявляют себя после рождения как субпассионарии или просто рождаются физически неполноценными особями, но они быстро устраняются естественным отбором. Так появляется первое пассионарное поколение, распространяющее свой генофонд по популяции и образующее оригинальные биосоциальные коллективы – новые этносы. Остальное понятно: пассионарность, как признак, устраняется медленно, за 40–50 поколений либо в результате внутрисистемной аннигиляции, либо естественного географического рассеяния, с вытеснением за границы этнического ареала.

Если эта гипотеза не встретит противоречащих ей фактов, то этнология даст возможность получить данные о состояниях ближнего космоса и его контактах с поверхностью Земли в эпохи, строго фиксируемые абсолютной хронологией. Допуск плюс-минус 50 лет – величина ошибки для определения длины инкубационного периода – невелик, а практическая ценность данных об энергетических вариациях в ближнем космосе за 4–5 тысячелетий – несомненна.

Влияние ближнего космоса на наземные явления не парадокс, а, скорее, трюизм. Луна вызывает приливы в океанах; солнечная активность – причина смещения путей циклонов через воздействие на затропический барический максимум; он же вызывает мутации вирусов и связанные с ними эпидемии. Все это не мистика, а география. Так какие же причины к тому, чтобы отвергать воздействия окружения планеты на ее поверхность?

²¹ Ермолаев М.М. О границах и структуре географического пространства // Изв. ВГО., 1960, №5, с. 423–425.

Ну а если гипотеза воздействия каких-либо лучей на антропосферу не подтвердится? Если биологи обнаружат другую причину мутаций и, особенно, микромутаций, изменяющих не анатомию, а только физиологию организмов высших родов позвоночных? Значит ли это, что космос не причина всплеск этногенеза? Нет! Ибо линии толчков, по которым рождаются этносы-сверстники, – эмпирически зафиксированный факт.

Космические и планетарные вариации стоят на несколько порядков выше этногенезов, влияют на всю биосферу, включающую не только совокупность живых организмов, но и почвы т.е. трупы растений и свободный кислород воздуха. И хотя этносы – капли в океане биосферы, они не могут не реагировать на ее флуктуации.

И если найдется талантливый психолог, который обнаружит физиологический механизм пассионарности и свяжет его не с вегетативной нервной системой организма, а с гормонами или влиянием микроорганизмов, живущих в симбиозе с их носителем? Или он объяснит повышенную активность пассионариев не как выброс излишней биохимической энергии живого вещества, а как способность выдавать эту энергию целенаправленно? Или генетик уточнит способ передачи пассионарности как признака? Что изменится в описании феномена этногенеза? Ничего! Потому что этногенез – явление, наблюдаемое не на молекулярном, и даже не на организменном уровне, а на популяционном, имеющем собственные черты, присущие только этому уровню, которые и изложены нами в Трактате.

И наконец, если философ-идеалист, наследник великих схоластов средневековья, предложит деление этносов на «исторические», т.е. стремящиеся к Абсолюту, и «неисторические», просто живущие на поверхности Земли, ответ ему будет краток: нет ни одного этноса, который бы не испытал подъема пассионарности; и нет ни одного, который бы не превратился в реликт, если только он не рассыпался на куски раньше. При этом неизвестно, кому из них повезло.

Короче говоря, нами описана природная закономерность, не содержащая философемы. Описание построено на фактах, и только новые, несомненные факты могут поколебать концепции.

7. Уровни исследования и масштабы

Перейдем к главной теме нашего исследования – этнической истории. В современной советской историософии сформулированы два тезиса, на первый взгляд, исключают друг друга: «Мыслима ли история одной страны», с ответом «нет»²², и «Всемирная история существовала не всегда!» – с вопросом «а когда?»²³. Что же верно? Или то и другое неверно?

Однако оба эти тезиса правильны и совместимы. Надо только условиться о применении научной терминологии и учесть масштабность изучаемых явлений или их ранг в этнической иерархии.

Так, наличие атомов несомненно, но изображать город Москву как скопление атомов, хотя и правильно, но бессмысленно. Атомный уровень ограничен, с одной стороны, уровнем субатомных частиц, с другой – молекулярным уровнем, где атомы изменяют свои свойства: водород и кислород в обычных условиях – газы, а объединившись, образуют жидкость – воду или твердое тело – лед.

Следующий уровень – клеточный (в органике) или кристаллический (в минералах) – в свою очередь, ограничен уровнем организменным, а тот – популяционным. В зоологии можно ограничиться следующим уровнем – видовым, но для изучения антропосферы необходимо ввести более дробное деление. Сопоставив популяционный уровень с субэтническим, мы увидим, что в промежутке между популяцией и видом *Homo sapiens* находятся этносы и суперэтносы – системы, обладающие свойствами и заслуживающими специального рассмотрения²⁴. Сведение их до уровня популяционного или, наоборот, обобщение до видового нецелесообразно, да и неверно, так как в обоих случаях специфика этносферы, состоящая в географических вариациях поведения, – исчезает. Если этническую историю Евразии описать на уровне суперэтносов, то подтвердится второй тезис – всемирная история не правило, а, скорее, исключение. Вспышки этногенеза всегда локализованы. Даже тогда, когда они возникли в одну и ту же эпоху (с точностью до полувека), географические барьеры могут разделить пассионарные ареалы так, что они образуют не одну суперэтническую систему, а несколько суперэтносов-ровесников. Только совпадение фаз этногенезов показывает, что возникшие системы – продукт одного этногенного фактора.

Обратимся за примером в VI–VII вв. и взглянем на молодые, новорожденные этносы этого времени. Всекитайская империя Суй была ровесницей Арабского халифата. Пассионарный толчок VI в. четко прослеживается по географической оси от Хиджаса и Бахрейна на Аравийском полуострове, через Южную Персию и Синд (область на западе Индии) и далее через Южный Тибет и Северный Китай до Южной Кореи и Японии.

В Индии так называемая «раджпутская революция» опрокинула империю Гупта, покровительствовавшую буддизму, и Индия раскололась на множество мелких княжеств, связанных реформированной религией и обновленной системой каст. Маленький Тибет попытался стать великой державой, но захлебнулся в крови внутренней войны.

В Японии произошел переворот Тайка с последовавшими реформами, а в Китае в это время династии Суй и Тан вели себя подобно Омейядам и Аббасидам. В X в. все отмеченные этносы испытали фазу надлома, который, например, в китайской историографии назван «периодом пяти династий и десяти царств». В отличие от халифата, Китай не распался на отдельные владения, но силу свою потерял и был вынужден примириться с потерей северных областей.

²² Поршнеев Б. Ф. Мыслима ли история одной страны. Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969.

²³ Гулыга А. В. Искусство истории. М., 1980, с. 26.

²⁴ Таблица приближений к изучаемому предмету. Вып 3, с. 228.

Синхронность этногенезов до XI века – полная, но впечатление единства Всемирной истории может возникнуть лишь при сужении поля зрения историка до линии указанного пассионарного толчка.

Не только географические границы являются причиной того, что в одном регионе два-три этногенных процесса оказываются независимы друг от друга. Так, в интересующее нас «тысячелетие» в одном только Средиземноморском бассейне один за другим возникли три суперэтнуса, Византия, халифат и «Европа», все названия условны.

И что же... Несмотря на постоянные пограничные войны, каждый из этих суперэтносов имел свою историческую судьбу, или, что то же самое, оригинальную культуру и линию развития. Возрастные фазы этногенезов не совпадали. Понятно почему: пассионарные толчки, их породившие, были различны и во времени, и в пространстве.

Таким образом, можно заключить, что на суперэтническом уровне доминирует ортогенное развитие – от негэнтропийного импульса (пассионарного толчка) до утраты инерции и перехода к гомеостазу, хотя при этом возможны грандиозные расширения того или иного суперэтнического ареала, причем кажется, что именно этот суперэтнос представляет собой «Всемирную историю», а прочие, еще не поглощенные – варварская периферия. Но это обман зрения, абберация близости. Новые пассионарные толчки перетасуют этническую карту планеты Земля, энтропия разьет гипертрофированную систему, и ортогенные (прямолинейные) этногенезы потекут, как струи, по своим руслам, иногда соприкасаясь, но полностью не сливаясь, хотя политическое, а точнее, государственное единство может существовать и править на Земле. Ведь не мешала феодальная раздробленность средневековой Европе осознавать себя как суперэтническое единство «христианский мир», а единая административная система Китая династии Цинь не вызвала смещения маньчжуров с монголами, тибетцев с уйгурами и даже северных китайцев с южными. Закономерности этногенеза находятся в компетенции Природы.

Но как только возникает необходимость в подробном описании феномена этногенеза, что достижимо на уровне этноса, сразу оказывается, что факторов, на него воздействующих, много: это разнохарактерные межэтнические контакты и культурные влияния, экономические воздействия соседей и иногда метисация, в разных странах и разные эпохи имеющие отнюдь не одинаковое значение. Природные явления продолжают играть свою роль. Засухи подрывают хозяйство стран, но по-разному: на просторах степей и прерий – они катастрофичны, на берегах рек и на склонах горных кряжей – их влияние незначительно. Извержения вулканов губительны, но локализованы. Подъем уровней океана и внутренних морей, например Каспия, страшен для жителей окружающих равнин, но не оказывает существенного влияния на горцев. Эпидемии, тоже явления природы, иногда меняют расстановку сил при длительных войнах; это сделала «черная смерть» в XIV в., унесшая половину населения Англии и тем приостановившая Столетнюю войну на 30 лет.

А какие последствия приносят мысли, иногда мудрые, а иногда вздорные! Пропаганда манихейства в Европе возбудила альбигойские войны и разорение Лангедока. Доктрина ислама в упрощенной, и потому общедоступной форме спаяла культуры разных этносов от Атлантики до Гиндукуша. Ослабление халифата, разъеденного шиизмом, открыло дорогу тюркам-сельджукам, а развал «Священной Римской империи германцев» возвысил французскую корону, что, в свою очередь, повергло в прах папскую тиару, когда Святой престол был перенесен в Авиньон.

На этом уровне история каждой страны связана с соседними, и даже очень далекими, ибо причинные связи могут быть опосредствованы. И самым важным здесь является классификация этнических контактов, образующих наиболее заметные зигзаги истории. Пусть они не меняют грандиозных процессов этногенезов (генезиса суперэтносов), но для современников событий важны именно они.

Предел исторического исследования – суперэтнос, а за ним стоит изучение человечества как вида, что относится уже к биологии. А то, что называют обычно «Всемирной историей» – просто способ подачи материала, когда произвольно выбрана точка отсчета. Например: Западная Европа, в традиционных учебниках весьма условно делимая на Древнюю, Среднюю и Новую, а кругом – «дикость» или «отсталость»²⁵. Китайцы писали «Всемирную историю» тем же способом: «Срединное государство», а кругом «варварская периферия»²⁶. Древние персы за начало отсчета принимали «Иран», где почитают Ормузда по учению Авесты, и противопоставляли ему «Туран» – царство Аримана²⁷. В исторических книгах Библии такой же исходной точкой была Иудея.

Итак, само понятие «Всемирной истории» только литературный прием, впрочем, весьма удобный. Мы воспользуемся им, избрав началом пространственного обзора низовья Волги и побережье Каспия. Это удобно, потому что отсюда обозрима Великая степь до Китайской стены – на востоке, – и до пограничного римского вала по Дунаю – на западе. На этот раз периферией будут именно цивилизации, что допустимо принципиально, так как выбор пункта обзора здесь, как и везде, произволен.

Но, кроме пространственных, есть временные границы. Линии развития редко бывают прямолинейными (ортогенными). Чаще они включают зигзаги, взаимно компенсирующиеся на длинных отрезках этнической истории, после чего обобщенная линия того или иного этногенеза будет отвечать предложенной схеме. Поэтому целесообразно как во «Всемирной истории», так и истории отдельных стран выделять особо интересные неортогенные эпохи – зигзаги – крупным планом. Для этносферы таким зигзагом будет генезис отдельного суперэтноса, а для страны (суперэтноса) – этнический контакт, фаза эгногенеза или стихийное бедствие. Соотношение степеней приближения при этом будет 1:5 в том смысле, что например, описание полутора тысяч лет, за которые прошел виток хуннского этногенеза и трехсот лет, за которые развернулась и загасла русско-хазарская трагедия, потребует не одинакового объема печатных страниц. Иными словами, изложение событий одного эпизода – контакта двух каганатов: Итильского и Киевского, – будет описано в пять раз подробнее, нежели заверченный процесс этногенеза.

Это соотношение оправдано сложностью, детальностью проблемы (зигзага) относительно общей (т.е. действующей на следующем таксономическом уровне) закономерности и должно строго выдерживаться в этнологическом исследовании; в противном случае решение проблемы не обнаружимо, а место ее во всемирной истории неясно. Бессмысленно писать историю Англии так же подробно, как биографию Черчилля, – никто не сможет ее прочитать. Но этническая история ставит проблемы различной сложности, и для их решения требуются все три уровня, как для постройки здания необходимы фундамент, стены и кровля, после чего возможна внутренняя отделка. Важно уметь находить правильно и последовательно выдерживать степень приближения. Только при этом условии можно надеяться, что цель этнолога будет достигнута.

²⁵ «Римский мир», сменившийся «Христианским», а потом «Цивилизованным» миром.

²⁶ Деление истории здесь более совершенное; по эпохам, условно обозначаемым названиями династий.

²⁷ Оригинальные сочинения до нас не дошли, но концепция сохранилась в трудах историков X – XI вв.: Табари, Балями и поэта Фирдоуси.

8. Разочарование

Итак, для работы над этнической историей необходим обильный и проверенный этнологическими методами набор фактов. Обычно историческое исследование начинают с кодификации явлений, лежащих на поверхности, т.е. памятников той или иной культуры. На первый взгляд – это самый верный и логический путь.

Каждый этнос создает своеобразную материальную культуру, т.е. сумму орудий, предметов быта, оружия, и духовную – мировоззрение, стиль в искусстве, способ восприятия прошлого, характер фиксации знаний: либо письменность, либо устное обучение молодежи – фольклор. Кремневые орудия палеолита, обломки керамических сосудов, развалины жилищ, картины в музеях и рукописи в библиотеках наглядны и легко обнаруживаемы. Они показывают, что культуры разных стран и эпох были различны и более или менее оригинальны. Связи между культурами восстанавливаются на принципе их похожести друг на друга... и часто правильно. И тут у историка возникает соблазн подменить изучение этносов, людей, живших, творивших и погибавших, описанием памятников, т.е. вещей, сотворенных этими людьми. На первый взгляд, здесь должно быть полное соответствие, но на самом деле его вовсе нет. Молодой этнос использует изобретения своих предшественников. Градусная система отсчета пришла к европейцам из Вавилона, но генетической связи между французами и амореями нет. Форма металлических кинжалов не менялась весь железный век, ибо она оптимальна, а этносы сменялись неоднократно. И наоборот, свеча сменилась керосиновой лампой, а та – электрической за один век у совершенно разных народов. Это показывает, что творения рук человеческих – культура и явление природы – этногенез имеют разные характеры развития. Был Вавилон... и нет его; на месте Древнего Рима построен новый, по существу, другой город. Целые народы исчезли с лица Земли, а ныне процветающие когда-нибудь сменятся новыми. Конец и распад любой природной системы, в том числе и этнической неизбежен. Такова «Диалектика Природы»: жизни сопутствует смерть, а смерти – жизнь: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12, 24). Но в истории культуры мы этой диалектики не видим.

В отличие от природы люди способны создавать только статические предметы, не имеющие способности видоизменяться и самовоспроизводиться. Растения и животные существуют в череде поколений; горы и реки – в постоянном, хотя, по людским меркам, медленном преобразовании. Горы вырастают вследствие тектонических процессов и становятся равнинами из-за денудации. Реки либо меандрируют и образуют террасы, либо прорывают глубокие каньоны. В этом их жизнь, измеряемая геологическими периодами. А пирамиды, Эйфелева башня, Парфенон или Венера Милосская – плоды человеческого сознания, и они не живут, хотя существуют веками, прежде чем окажутся разрушенными человеком или временем, превращающими их в прах навсегда.

Но современному цивилизованному обывателю они кажутся вечными. Возникает иллюзия постепенного роста процветания людей за счет беспредельных богатств Природы, которые только надо научиться от нее брать. Это называлось в XIX в. прогрессом.

Однако все теории культурного прогресса не могли бы существовать, если бы не игнорировали феноменов вырождения, ослабления и вымирания целых народов и распада их цивилизаций. Посмотрим на интересующую нас Евразийскую степь. О застойности степных этносов не может быть и речи, столь напряженными были смены событий, а вот была ли это эволюция, под которой понимается целенаправленное развитие с накоплением определенных признаков? Проверим.

В VIII в. до н. э. скифы появились в Причерноморье, разогнали местных жителей – киммерийцев, подчинили лесостепные племена земледельцев и продержались 500 лет. За это

время они наладили товарное хозяйство, торговлю с Элладой, создали великолепное искусство, оригинальную культуру... и в III в. до н. э. стали жертвой сарматов, которые провели против скифов истребительную войну. Констатируем: развитие оборвано ударом извне.

Сарматы продержались около 700 лет: они пользовались гончарным кругом, торговали хлебом с Византией, завели тяжелую конницу – прообраз рыцарства... и были разбиты гуннами, продержавшимися около ста лет (370–463 гг. н. э.). Опять обрыв традиции.

Болгары победили гуннов, продержались около 200 лет (463 – около 660 гг.) и были разогнаны по окраинам степи хазарами, о которых пойдет речь особо, потому что даже след их потерян. А сменившие хазар половцы растворились среди окрестных этносов уже в XIII в. Где же тут эволюция и накопление традиций?!

А ведь «упадков» и регрессов культуры – не меньше, чем расцветов. Мы привыкли восхвалять научно-техническую революцию XX века, но забыли, что ей предшествовал чудовищный регресс европейской науки. Этот регресс наступил раньше, чем сломалась грандиозная система «Римского мира» (*Pax Romana*). Это заметно по исторической географии. Вместо трудов Страбона, Посидония и астронома Гиппарха изучается сочинение Гая Юлия Солина «Сборник достопримечательностей». Это популярная география, полная нелепостей, но распространенная в III в. в Римской империи и потом среди христиан раннего Средневековья.

В священных книгах евреев гуманитары VI–VII вв. находили указания на форму Земли. Несторианский теолог Феодор из Мопсуесты, теологические труды которого через сто лет после его смерти были осуждены на V Вселенском соборе, полагал, что Земля имеет форму диска, в центре которого находится Иерусалим, а кругом – океан, за которым царит вечная тьма и покоятся основания небесного свода.

Косьма Индикоплов и ученик Феодора Севериан придавали миру форму скинии. Выше неба помещалось вместилище вод²⁸.

В VIII–IX вв. космографы вернулись к старинному правильному учению о шарообразности Земли, но эта мысль была достоянием ученых, а прочие, в том числе творцы реформации XVI в. Лютер и Кальвин, вели борьбу с представлением о шарообразности планеты, опираясь на тексты из священных книг и логические рассуждения. К догматам христианства этот спор не имел отношения²⁹. Шел спор о преимуществе источника информации. Что главнее: тексты или наблюдения? Но откуда взялся такой жуткий регресс в науке, не имевший касательства к политике? Очевидно, упадок был закономерен и неизбежен. В.И. Вернадский справедливо указал, что «регресс науки связан с изменением психологии народа и общества, с ослаблением того усилия, той воли, которая поддерживает научное мышление... как поддерживает она все в жизни человечества»³⁰. Что же это за творческое усилие? Отчего оно возникает и почему исчезает? В XIX в. такой постановки проблемы не было, потому что не было способов ее решения. В XX в. они появились: системный подход Л. фон Берталанфи и учение В.И. Вернадского о биохимической энергии живого вещества биосферы. Эти два великих открытия позволили дать определение категории «этнос» и описать его как биосферный процесс – этногенез – закономерного изменения пассионарного напряжения в этнической системе.

²⁸ Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М., 1981, с. 111.

²⁹ Там же, с. 113.

³⁰ Там же, с. 75.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.